

Не надо нас подергивать за уши и поучать — как нам понимать, ценить и нести в сердце своем стихи Сергея Есенина: мы — большие, мы — разберемся в истине и скажем его же стоном:

*Жизнь моя? иль ты приснилась мне?
Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне.*

Но есть люди — нелюди: зависть и бездарность правят ими. Несколько лет назад мне рассказал пьяный земляк Сергея Александровича Есенина — как, ненавидя поэта, он, рифмоплет, абсолютно лишенный слуха и обоняния к слову, заявился, влез во дворик, через забор влез, прокрался к домику Есенина в Константиново и надругался над памятником Сергею Есенину, нос отколочил у мраморного бюста... Ну, а дальше?

Рассказывал, восхищаясь, обращая мое внимание на то, что и отец его, мародера отец, рифмовал, современник Есенина, завистью истекал к Есенину, графоман, и в наследство сыну передал бесталанность свою и презрение к истине красоты. В лице моего рассказчика пряталась довольная ухмылка: есенинцу рассказал, есенинца ужалил ядом, есенинцу напакостил, эх!.. Бедные мы, бедные, русские мы, русские, иначе бы разве потерпели подобный садизм над собою, над памятью о гении и пророке?! Бываючи в Константиново, я возвращаюсь мысленно к рассказу мародера: не солгал, гляньте на мраморный бюст поэта!..

А эти восклицания: "Есенин убит!", "Есенин повешен!", "Есенин отравлен!", "Есенин завернут в ковер и вынесен!"... И — нет у них, у бессовестных кликуш, ни совести, ни жалости, ни сомнения, а они, данные, сопровождающие нас чувства, нужны нам для точности и для благородства, для исповеди перед собою и перед Богом... Иной, встретив живого Есенина, нанял бы сегодня киллера убить поэта, дабы личную "правоту" сберечь в народе... провокаторы неумолимы. По Москве давно расхаживает недоумок, сея о нас ложь. Стучит и стучит, подонок.

Родился он в семье кремлевской поварихи, обожающей все, все, что хоть капелькой масла или запахом высококачественного бифштекса связано с милым и торжественным ЦК КПСС. Любившая много поесть, она рано обучила этому священнодействию и сына. Но сын превзошел ее заботы и ожидания: вырос быстро, растолстел быстро, а пошел не в повара, и, к сожалению матери, начал пыхтеть над какими-то строчками...

Так родился великий национальный лирик, а остальные, кроме него, оказались не русскими поэтами, а наследственными сионистами, поскольку у большинства родители — то крестьяне, то — рабочие, то — гнилые интеллигенты, а не цековские повара. Мама-то лирика специально, лишь для членов политбюро выпекала румянощекие пончики. И сынок ее, тугомордый, румянооплывший, с брюхом — на десятерых омовцев хватит! — огромный двадцатикилограммовый пончик. Тяжелше любого члена политбюро. А думать не хочет, балда несуразная!..

Есть же среди русских людей не сионисты? Конечно, рекомендацию его рукописям и ему давали русские, но, оказалось, — сионисты. И из Литературного института отчислили его, балду, за неуспеваемость, прогулы и стукачество сионисты, подлые

русские люди, завербованные сионистскими спецслужбами. Везде — спецпончики, спецпекари, спецбольницы, спецслужбы, везде, кроме него, одни они — сионисты!.. Они. Вот имеет он спецмагнитофончик, носит его аккуратно за воротом рубахи, раз — и записал русского сиониста, раз — и намотал его, негодяя, засветил, где надо, куда ленту потребуют... Но и тут — не повезло: за стукачество, склоки, хамство и запугивания, прогулы и спекуляцию иностранными лекарствами настоящий лирический поэт, русский борец с русскими сионистами, отчислен и с высших литературных курсов, куда его, сжалась, приняли. Да, кругом — сионисты!..

Плененный верностью к России, строчит, пишет, печатает он на светлых русских людей жалобы, кляузы, доносы, благо — подметных газет сегодня куры не клюют... И у него — газета: "Будущее Скифии", и на ее страницах он, делая по две и три ошибки в предложении, одергивает Бондарева, Проскурина, Жукова, Ларионова, учит их и порицает, а поэтов Кочеткова, Сорокина, Куняева, Кузнецова, тоже, как и названных мною прозаиков, уличает в сионизме. Евреи — евреи, заново их в чрево не посадить?..

А фамилии-то: Кузнецов? Сорокин? Куняев? Кочетков? Не русские фамилии, а сионистские, псевдонимы. Недавно евреи в Москве-реке выловили русского патриота, а тот, не разобравшись, им перед смертным вздохом шепнул: "У Сорокина мать — сводная сестра Голды Меир, а у Куняева отец — раввин в Тель-Авиве. Кузнецов же и Кочетков — бесы картавые!" Братья Сафонови — крупные сионисты. Кошмар!

Провокатор, до отупения разжиревший на запасных цеховских харчах, сталкивает между собою не только русских и евреев, не только евреев и евреев, русских и русских, нет, провокатор, огромный и одутловатый омоновец, трагически разлагающийся, как обожравшийся ихтиозавр, залегший в Гоби, — еще и дворянин, последний русский мыслитель...

Если бы он меньше ел пончиков или мама его в отделе ЦК КПСС не выполняла бы за поварскими обязанностями и других обязанностей, разве бы он так растолстел, разве бы он родился таким талантливый? Не знаю, как его понимают евреи, а я, исконно русский человек, говорю:

*Этот лирик с мордой борова
Настучал на русских здорово,
И ему, — держись, империя, —
Аплодирует сам Берия!..*

Вчера орет на митинге демократов: "Коммуняки!.. Коммуняки!.." Спрашиваю: "Чего орешь?" Отвечает: "У меня астма!" Внушаю ему: "Астма — не отсутствие разума!" И он, удивляюсь, согласно мне кивает, кивает оловянную голову. Имею ли я право обижаться на него?..

Он, московский недоумок, и Есенина обслюнявил, и Есенина не пощадил. А чего ему, провокатору и графоману, щадить? Себя он щадит, себя, завистливого и пугливого, безграмотного и убежденного, юлливового и хамовитого, себя, ни разу не испытывавшего трепета и сияния душевного: зависть — не тоска по счастью, а злоба — не очарование чужим полетом... Талант не скучает по журналистской нахрапистости.

И зачем Владимир Бондаренко, в сущности добрый и разумный, даже излишне щедрый критик, соглашается с ответом на свой вопрос артисту Валерии Золотухину, зачем? Славы мало Владимиру Бондаренко? Мало ему газет?.. Мало Владимиру Бондаренко

горя русского? Мало нищеты и унижения в народе русском? Зачем? Мало топтали, гыгыкали, выли, лаяли, плясали, свистели на могиле великого русского Есенина, а?!..

Газета "Завтра". 15.02.2000 года:

"В.Б. То есть, говоря о демонизме, о Высоцком и его демонах, надо признать, что демоны сидели в нем самом?

В.З. Ну а что в Есенине сидело? То же самое. Это какое-то раздвоение психофизическое, это какое-то аномальное явление. Да еще разрушение алкогольное и плюс наркотики".

Не знаю, может быть, Валерий Золотухин — крупный специалист по судьбе и творчеству Сергея Есенина, утонченный исследователь алкоголя и наркомании, эдак распахнуто сообщающий нам о "болезнях" Есенина? Друг Есенина, Рюрик Ивнев, утверждал: "Сергей Есенин почти не пил. Подмигнет — и выплеснет рюмку!.." А Золотухин уравнивает страдавшего наркоманией Высоцкого с гениальным Есениным, Христом русским, каково? Киллер?

О "пьянстве" Есенина высказались, до оупения, до маразма, все, кому не лень, но никто из них, никто, никто, за десятилетия и десятилетия не уронил в нас ни одной золотой крупички от слова и сердца Есенина, никто. Бездари — завистливы и немощны. Бог карает их. Один и тот же есенинский скандал "перепет" и растиражирован сотнями "поклонников" поэта, сосущих его бессмертную кровь.

Золотухин неколебим: "Я повторяю: минуя всякую грязь, есть своя заложенная судьба у Пушкина, Есенина, Высоцкого..." Ничего себе — параллели? Как прошамкал бы М.С.Горбачев: "Паритет!.." Ничего себе.

И — молчат ретивые есенинцы?! И — примирились: вослед Пушкину и Есенину, отряхиваясь от бытовщины и богемной мути, шагает не менее, чем Пушкин и Есенин, шагает им равный, плохо владевший "техникой стихосложения" и отравленный анашою поэт, Высоцкий шагает!.. Ну и артист. Ну и философ. Ну и ценитель поэзии русской. Срам.

"В.Б. Только вместо Айседоры Дункан у Высоцкого Марина Влади, тоже такой достаточно привычный для России выверт". Да, Володя, выверт: измученная кривоклювыми черными воронами Россия — все стерпит, даже русские фамилии-псевдонимы, скрывающие хищных птиц, залетевших к нам, русским, грабить нас, увечить совесть нашу и стать, позорить наши синеокие дали русские обжорным хрипом...

Кем же надо себя мнить, тесня Александра Блока с классической ступени и заменяя его на преснятину делателя строф? Кем же надо себя мнить, втаскивая к бронзовому Александру Сергеевичу Пушкину тело, прокисшее марихуаной? Русский человек даже заблатненные "шлягеры" умеет отделять от обыкновенно-нормальных. Не обмануть.

Евгением Евтушенко, Гангнусом, затыкали рот нескольким поколениям русских поэтов: не слезал с экрана, не сходил с газет, не утихал на радио СССР и США, а где он?.. При перевороте, при измене лидеров ЦК КПСС и разрушении Советского Союза Жорик за Ельциным на танк вполз, а Есенина не заменил. Господи, и Вознесенский — не Михаил Юрьевич Лермонтов... А Белла Ахмадулина? А Новодворская?

Ни одному русскому поэту в России, да и в СССР, не разрешили черные вороны свободно дышать, думать и петь, ни одному, нас, поэтов русских, подминая гангнусами и кирсановыми, левитанскими и долматовскими, прихватывая наши тиражи и наши

чаяния...

*Ужель она?
Ужели не узнала?
Ну и пускай,
Пускай себе пройдет...
И без меня ей
Горечи немало —
Недаром лег
Страдальчески так рот.*

Яков Свердлов, Штойкман, расстрелял донское и уральское казачество, построившее нам Великую Российскую Империю, а Троцкий потопил в крови белую и красную армии. Все мерзлоты, все пустыни Земли зашвырены русскими воинами, женихами, мужьями, дедами и прадедами нашими. Мы, русские, — разделенный, разогнанный, оболганный и обнищенный народ в мире. Мы никогда не забудем — кто нас уничтожал!..

*Все слова, слова,
Все речи, речи!..
От родимых пашен вдалеке.
Я давно не выходил навстречу
И лицо не подставлял пурге.*

Это — Василий Федоров, русский выдающийся поэт, а ему ведь при жизни не дали, в его России отчей, не дали ни имени, ни простора, а сколько изумительных русских поэтов врыто пулями в глину и в камень, сколько ныне замолчано, заморским хамством убито поэтов русских у себя дома, в России? У кого в руках пресса и телевидение? У кого в руках наши фабрики и заводы? Мы — плененный народ. Нас превратили в гоев, рабов, быдло, нас заставляют терять русскость, молитву нашу терять. А кто торжествует? Березовский и Абрамович, Кох и Чубайс, Россия — оккупирована ближневосточными монголами...

Хе, хе. Ты, русский человек, Володя, а травмишь душу русскую этими реабилитациями кого угодно: всеядность — твоя защита, но от кого, от нас, людей русских, да?

*Ты думаешь, меня это страшит?
Я знаю мою игру.
Мне здесь на все наплевать.
Я теперь вконец отказался от многого,
И в особенности от государства,
Как от мысли праздной,
Оттого что постиг я,
Что все это договор,
Договор зверей окраски разной.*

Так — Номах рассуждает у Есенина. Так рассуждает каждый русский, кто болеет о Родине, кто доведен до предела нашествием чужеземельцев на русское поле. Поле

Куликово стонет — слышите? Слышите?!..

О чем ученые-есениноведы говорят? Они ведь боятся говорить о главном: о засилии чужезверцами Родины русской. Они говорят о лирике Есенина, говорят о красоте слога есенинского, но боятся рассказать о стоне поэта по родному слову, исковерканному инберами и маршаками, боятся сказать о школе, запрограммированной на Гангнуса и Галича.

Боятся изменить неправильное?

*Я спросил сегодня у менялы,
Что дает за полтумана по рублю,
Как сказать мне для прекрасной Лалы
По-персидски нежное "люблю"?*

Не "полтумана" — полтумена, речь-то о Персии, об Азии, ну?.. А чего стоит изыск есенинцев, пылящих расшифровываниями и разоблачениями?

*От луны свет большой
Прямо на нашу крышу.
Где-то песнь соловья
Вдалеке я слышу.*

А правильно — не "Прямо", правильно — "Прям", усеченное слово; Есенин, юный, не мог и не сумел бы "вольничать" в размере и ритме строки: нужен был и ему опыт. Я люблю есенинцев, прощаю их ругань между собою, прощаю некоторым и брань в мой адрес, но очевидные огрехи не ими "утверждены", а жидовствующей каббалою над русским народом и над нами, поэтами русскими, над нами, над нами!

*Лидеры наши прекрасные,
Им временем вечность дана:
Россия у всех у них разная,
А синагога одна.*

Юрий Прокушев жизнь свою посвятил Есенину. Хорошо ли, плохо ли, значительно, гениально ли, но, хоть бьют его немилосердно и неугомонно новоесенинцы, несет и несет повествование о поэте в народ, в Россию, о Есенине и о его рязанской стороне, о русской матери и о русской природе: траве и ливне, грозе и буране. Так или нет?

Столетие Есенина Правительство России решило указно отмечать вместе с девятисотлетием города Рязани. Образ Есенина выпал бы из общего суматошного гвалта, и мы восстали. Прокушев написал президенту Ельцину прошение по юбилею и обратился ко мне: "Подписывай!" Но в тексте были слова: "дорогой", "уважаемый" и т. д. Я ответил: "Я не смогу подписать. Я ненавижу палача!" А Прокушев, перекрестясь, заметил: "За Есенина, Валя, подпишу, Бог меня простит, а ты не подписывай, ладно, ты не подписывай!" И подписал.

Где вы, нападающие на Прокушева есенинцы, были тогда? Если бы не Прокушев — памятник Есенину не сверкал бы сейчас гранитом на Тверском бульваре, по соседству с Пушкиным. Где вы? Где вы, чистоплюйные есенинцы, разве не видите — как замазывают

наркоманской штукатуркой серебристую тропу к Сергею Есенину, к России нашей, святой и звездной? Русский — во всем обязан быть русским.

*Сванидзе, ты Сванидзе,
Тебя, поймав за хвост,
В подъезде бомж откиздел, —
Вот весь и холокост!..*

Евреи — страдальцы. И русские — страдальцы. Чечены — страдальцы. Но у евреев — свои звери. У русских — свои звери. У чеченов — свои звери. Великий грех — отбирать у русских авторитет русский, принижать страдание русское, а гнев русский не замечать — опасное занятие.

Даже Гавриил Попов, один из самых ярых потрошителей СССР, Москвы и России, 5 апреля 2000 года, завопил: "Берегите русских!.." Да, без русских, полууничтоженных "ревтрибуналами" и "ревтройками", доносами и расстрелами, раскулачиваниями и коллективизациями, борьбою с "шовинизмами русскими", погубленных войнами, без русских — не быть России живою! Так-то. Даже Гавриил Попов догадался: катастрофа величайшая, гибель России, неотвратима, когда русский народ кинут на прозябание и подлую насмешку уродам. Завопил в "Независимой газете".

Владимир Бондаренко не наивный мальчик, а солидный человек, почти литолигарх: пошатывает на пьедестале Александра Блока, специально к бессмертному Есенину притыкивает, рядом, русскоязычного Высоцкого:

*Нет острых ощущений. Все — старье, гнилье и хлам.
Того гляди, с тоски сыграю в ящик.*

Или:

*Сосед другую литру съел —
И осовел, и опсовел*

Или:

*Ах! Время — как махорочка.
Все тянешь, тянешь, Жорочка.*

Или:

*Две бывших балериночки
В гостях у пацанов.*

Поц — член, если перевести с еврейского на русский... Владимир Бондаренко мне, рядовому русскому поэту, к моему юбилею широко распахнул двери в газету "Завтра", целую полосу дал, а вот блестящему Вас. Федорову и для строчки в "Дне" не нашлось места... Да и — Павлу Васильеву, Алексею Недогонову, Петру Комарову, Павлу Шубину, Дмитрию Кедрину, Борису Ручьеву, десять лет оттрубившему на Дальнем Севере за

"пропаганду упаднических стихов Есенина"... Не нашлось...

Зато "околорусским" стихам "околорусских" поэтов — простор:

"Мы — как изгои средь людей". Смотрите — как... згои...

"И балуются бомбою". Смотрите — ибал... уются...

Нельзя Высоцкого сравнивать, еврейско-русского барда, с мучеником, Христом Русским — Сергеем Есениным: Бог покарает, нельзя! Смертный грех нельзя брать на себя и на русский народ, нельзя. Нельзя же, говорю еще раз и еще раз говорю!.. Сергей Есенин:

*Клен ты мой опавший, клен заледенелый,
Что стоишь нагнувшись под метелью белой?*

Стихия — русская поэзия, злая или приветливая, но — стихия, но — вьюга белопенная, но — душа летящая, а тут — бард: рациональное, циничное, прозаичное, обескрыленное — как бухгалтерия, как — доллар, как рубль... Да и вместе с Борисом Ручьевым ли Высоцкий кайлил Колыму? Кто и когда утеснял Высоцкого? Почему "День" молчит о строчках Василия Федорова, равных есенинским:

*Руки Глаши
Если обовьются,
Их уже ничем не разорвать.
Губы Глаши
Если улыбнутся,
До сухотки будешь тосковать.*

Русское-то ведь понимать надо: его, "русское-то", не заставить ни двумя, ни тремя бардами, ни одним, ни двумя "русскими" поэтами, оно, "русское-то", поэту — награда за любовь к России, оно, "русское-то", не доверяет себя "широте" и "раскрутке" в газете ли, на экране, на конкурсах или на сцене... Нельзя лгать русскому народу, нельзя от имени русского народа нерусские замыслы исполнять... Народ — храм: нельзя озоровать перед иконами, нельзя! У Высоцкого в каждой строфе — ляп.

Ты, дорогой Володя Бондаренко, не хитри: русским быть — горькая и одинокая дорога. Теперь... Ты ни разу, да, да, ни разу не вспомнил на страницах "Дня" о Петре Проскурине, Иване Шевцове, Владилене Машковцеве, Николае Воронове, Иване Акулове, а творчество Ивана Акулова многих твоих "классиков", стоит, не сомневайся. Очень русских — ты оттолкнул и замуровать их святые лики как бы стремишься полурусскими "героями дня", но "День" не выигрывает данную задачу. Среди русских есть и умные, умеющие отличить Есенина от Высоцкого, а Марину Влади от Натали Пушкиной и даже — от Дункан...

Если наш родной русский народ выживет, он вышвырнет все то, что окартавило, оциничило, опохотило, осексуалило, огыгыкало и оживовило вокруг дома его и в дому его, нищем и покачнувшемся, выбросит на помойку, но не забудет, кто наступал ему на материнский язык, кто лукавил за его спиной и торговал его авторитетом и дарованием.

На "первый", "второй", "третий" Владимир Бондаренко рассчитал их: Пушкина, Есенина, Высоцкого, но засумлевался — призвал скульптора, генерала, В.Клыкова подтвердить "открытие", но не только замечательный художник и генерал Клыков не поможет

Владимиру Бондаренко в очень лукавом "открытии", а даже бы и, к примеру, маршал Советского Союза Константин Константинович Рокоссовский не помог бы: антирусская возня нам, русским, давно очевидна и давно опостылела, а народу русскому — еще более противна, чем нам!.. Хотя в народе, любом: русском ли, еврейском ли, татарском ли — ценители "разносолов" найдутся, но и данный факт — не право навязывать отсебятину среди русского народа. Есенин:

Тот ураган прошел. Нас мало уцелело...

Антисемитизм — антирусская пресса. Охаивание и огыгыкивание русских — обруч на груди русского народа, и рано или поздно этот стальной обруч будет разорван. Я не с Владимиром Бондаренко ссорюсь, а с черным временем, ослепившим нас... Клыкову, лепя образ Сергия Радонежского, не удалось вылепить барда Высоцкого: поддегачик получился, а не поэт. Бог наказал?.. Нам, русским патриотам, чего делить?.. Горе? Пусть в полночи тихо говорят в Москве бронзовые — Пушкин и Есенин, Лермонтов и Маяковский. Пусть гитара Высоцкого тихо звенит. Но зачем вылезит на экран космический академик и, вертя башкою, ликует: "Мы на луну глядели романтично, целуя невест, читая стихи поэтов, а ныне она подошвами ботинок астронавтов истоптана — величайшая победа века и человечества!" ...Да, ученый... Вот и мы порою истаптываем есенинский ромашковый луг "буцами прикольными" бардов. Не мешайте русским быть русскими и не ловите их белую вьюгу невымытыми лапами! Есенин:

*Слышишь — мчатся сани, слышишь — сани мчатся.
Хорошо с любимой в поле затеряться.*

А мы?.. Нам и в отцовском доме неуютно: слишком энергичны и нахраписты притязания "инопланетян" к нам, русским!

23-05-2000